

Умиравший и воскресающий зверь умиравший и воскресающий зверь. Мифологический мотив умерщвления и оживления зверя широко распространён среди охотничьих народов, особенно в Северной Америке.

Англ. этнограф Дж. Фрэйзер в своём труде «Золотая ветвь» отмечал, что люди верят в священную природу зверя, на которого охотятся (по большей части это медведь или кит), и при помощи особого религиозного ритуала стараются умиловить его и побудить прислать к людям своих сородичей — зверей. Советский этнограф В. Г. Богораз-Тан видел в мифе и обряде У. и в. з. закономерную «охотничью» параллель к «земледельческому» мифу об умирающем и воскресающем духе растительности.

Действительно, если в «земледельческом» культе умирающего и воскресающего бога отразилось стихийное стремление древнего земледельца заручиться достаточным урожаем на своём поле, при помощи магии и умиловительных актов подействовав на «демонов плодородия» («духов растительности»), то для охотников северных лесов и тундр такую же жизненную необходимость составляли магические и умиловительные обряды для воспроизводства промыслового зверя. У арктических охотников: береговых чукчей, коряков, эскимосов — одним из главных предметов почитания и магических обрядов оживления был кит, а местами — полярный медведь. Существенным моментом так называемых китовых праздников были ритуальные формулы самооправдания, обращения к киту (или белому медведю) с просьбой не сердиться на людей и приглашать других китов (медведей) спокойно приходить к берегу.

Люди верили, что животное после смерти воскресает и продолжает жить. Поедание мяса зверя сопровождалось строгими обрядами.

Все остатки трапезы: кости, объедки, клочки шерсти и пр. — тщательно собирались и бросались в море; этим как бы возвращалась жизнь убитому и съеденному киту. У большинства охотничьих народов таёжной зоны главный предмет магических и умиловительных ритуалов — бурый медведь, самый страшный зверь.

У хантов и манси каждое убийство медведя на промысле непременно сопровождается умиловительными актами, цель которых — примирение охотников с духом убитого зверя, самооправдание перед ним: «не мы тебя убили, а русские, которые сделали это

ружьё» и т. п. Наиболее разработан и сложен ритуал «медвежьих праздников» у народов нижнего Амура, острова Сахалин (нивхи, нанайцы, орочи, удэ и др.) и у айнов Японии, где был обычай выращивать пойманного в тайге медвежонка, оказывая ему всяческие знаки уважения, а со временем в назначенный день устраивать торжественный «медвежий праздник», на котором со всевозможными знаками суеверного почёта медведя убивали. Следует обратить внимание на те мифологические (или социально-психологические) мотивы, которые влились в ритуал и миф об У. и в. з.

Некоторые из этих мотивов отмечал Богораз-Тан. Таковы: идея оборотничества, смена животного и человеческого облика; невеста в зверином или птичьем образе; брошенный людьми ребенок, которого спасают и воспитывают звери; тотемические представления о звере-предке; рождение «медвежьего героя» от сожительства женщины с медведем; этот «медвежий герой» совершает богатырские подвиги, выступает как культурный герой.

Подобные суеверные, мифологические и частью сказочные мотивы как бы сближали человека с животным, служа идейным материалом для создания сюжета У. и в. з. Сравнение охотничьего мифа об У. и в. з. с земледельческим мифом об умирающем и воскресающем боге показывает, что охотничий миф гораздо древнее, так как он вырос на почве первобытного присваивающего хозяйственного уклада. При сопоставлении охотничьего комплекса У. и в. з. с земледельческим комплексом умирающего и воскресающего бога выявляются три основных элемента в каждом из них: а) почитаемое существо, б) его смерть, в) его воскресение. Если в охотничьем комплексе мифологичен только один элемент — воскресение, а первые два — зверь и его смерть — вполне реальны, то в земледельческом комплексе мифологичны все три элемента.

Литература :

Богораз-Тан В. Г., Миф об умирающем и воскресающем звере, в сб.: Художественный фольклор, т. 1, М., 1929.